

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Часть 1

Под редакцией доктора юридических наук

В.Ф. Воловича

Издательство Томского университета

Томск – 1999

МЕСТО И РОЛЬ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

М.А. МИТЮКОВ

Вопрос о юридической природе основного вида актов конституционного (уставного) суда – итоговых решений – является дискуссионным. Многие полагают, что они по своей сути являются нормативными актами, источниками права¹. Эта позиция в последнее время стала иногда закрепляться и в отдельных законах субъектов Российской Федерации². Вместе с тем сильна и традиционная точка зрения о том, что итоговые решения конституционного (уставного) суда, подобно акту любого другого суда, являются правоприменительными, что нередко отражается и в региональном законодательстве³.

Среди сторонников нормативности итоговых решений конституционного (уставного) суда во взглядах имеются определенные нюансы. Одни авторы полагают, что в этом смысле названные решения близки к законам⁴, а другие считают, что их нормативность зависит от вида акта, конституционность которого оценивается⁵. К последней точке зрения примыкает мнение об ото-

¹ См.: Научно-практическая конференция “Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы, перспективы” (обзор)/Государство и право. 1997. № 5. С. 6-7.

² См., напр., Закон Новосибирской области от 25 мая 1998 г. (ст. 1) “Об избирательной комиссии Новосибирской области”//Советская Сибирь. 1998. 9 июня; статью 3 Закона Республики Дагестан от 16 апреля 1997 г. “О нормативных правовых актах Республики Дагестан” и статью 7 Закона Республики Адыгея от 9 октября 1998 г. “О нормативных и иных правовых актах”. Сами конституционные суды также считают, что их постановления обладают нормативным значением (см.: Послание Конституционного Суда Республики Башкортостан Государственному Собранию Республики Башкортостан «О состоянии конституционной законности в Республике Башкортостан» от 9 декабря 1998 года С. 4).

³ В Законе Республики Саха (Якутия) от 26 марта 1993 года «О нормативных правовых актах Республики Саха (Якутия)» решения Конституционного Суда прямо названы правоприменительными актами (ст. 2). Интересно, что в принятом во втором чтении Законе «О правовых актах Свердловской области» к предмету регулирования этого областного Закона относились и акты Уставного суда Свердловской области (ст. 1), однако в третьем чтении 2 февраля 1999 года это положение исчезло.

⁴ См.: Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. С.164.

⁵ См.: Государство и право. 1998. № 9. С. 118 (изложена позиция Ж.И. Овсепян).

ждествлении итоговых решений с конституционными нормами¹. При всем этом многие утверждают, что названные решения носят “нормативно-прецедентный” либо “конституционно-прецедентный характер”². И даже предлагается норму об этом закрепить законодательно³.

Естественно, что те функции, которые выполняют итоговые решения конституционного (уставного) суда, объективно придают им статус нормативности. А это функции: непосредственной интерпретации конституции (устава), обязательной для всего последующего правотворческого процесса органов государственной власти субъекта РФ, восполнения конституции (устава) и преодоления пробельности в законодательстве, разрешения противоречий внутри конституционного (уставного) текста, выявления конституционного смысла в текущем законодательстве, наконец, выполнение функции “негативного законодателя”. При этом фактически модернизируются существующие или появляются новые правовые нормы и утрачивают силу действующие. Все это сближает деятельность нормотворческих органов и конституционного (уставного) суда. Для итоговых решений некоторых конституционных (уставных) судов постепенно становятся свойственными и функции обеспечения соответствия регионального законодательства федеральному и внедрения позиций федерального Конституционного Суда в правовую систему субъектов Федерации.

Вместе с тем можно согласиться с А.А. Белкиным, что итоговые решения конституционного суда представляют собой производные источники права⁴. Хотя он пишет это об актах Конституционного Суда РФ, сказанное в значительной степени относится и к конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации. Они также опираются на первичные источники: конституцию (уставы), законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, а по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов – на Конституцию РФ, федеральные законы, постановления федерального Конституционного Суда. В этом плане итоговые решения регионального конституционного (уставного) суда имеют вторичный и интерпретационный характер и связаны с решением соответствующего дела. Однако затем решение конституционного (уставного) суда, уже отрываясь от

¹ См.: Арутюнян Г.Г. Конституционный Суд в системе государственной власти: Дис. Г.Г. Арутюнян – д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 75, 169.

² См.: Государство и право. 1997. № 5. С.6; 1998. № 9. С.119 (в обзорах приведены мнения Б.С. Эбзеева и Л.В. Лазарева).

³ См. выступления В.И. Васильева и В.В. Бойцовой на круглом столе на тему: “Научный подход к обоснованию внесения поправок в Конституцию Российской Федерации” (Журнал российского права. 1999. № 1. С.43, 52).

⁴ См.: Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации // ВКС Российской Федерации. 1997. № 2. С. 21-30.

породившего его дела, живет самостоятельной жизнью, являясь общеобязательным не только для правоприменителей, но и для тех, кто создал нормативный акт, интерпретированный или аннулированный решением суда либо восполненный или модернизированный, исходя из смысла и логики конституции (устава) субъекта РФ. Но это не означает, что суд вправе непосредственно подменять законодателя. “Внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, как правильно указал Конституционный Суд Республики Саха (Якутия), относится к ведению законодательного органа и не может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда”¹.

Важным критерием определения нормативной природы итоговых решений конституционных (уставных) судов несомненно является практика этих органов конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющих судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Содержание решений названных судов (постановлений, заключений, а иногда и определений), не только их резолютивных частей, а во многом и мотивировочных, подтверждает концепцию, что акт конституционного (уставного) суда по вопросам толкования, абстрактного и конкретного нормоконтроля нередко представляет собой источник права соответствующего субъекта Российской Федерации.

За время деятельности конституционных (уставных) судов ими в совокупности постановлено около 150 итоговых решений (по состоянию на 1 января 1999 г.)², в том числе Конституционными Судами: Республики Саха (Якутия) – 48, Республики Карелия – 35, Республики Коми – 18 и т.д. Интенсивно начал работу и недавно образованный Конституционный Суд Республики Башкортостан, который за год вынес восемь постановлений. В ряде решений конституционных (уставных) судов затронуты концептуальные вопросы взаимоотношений региональных органов законодательной и исполнительной власти, разграничения конституционной и общей судебной юрисдикции, избирательного права, депутатского иммунитета, законодательного процесса, государственной службы, местного самоуправления, защиты прав и свобод человека и гражданина. Содержание некоторых решений производно от позиций федерального законодателя и Конституционного Суда Российской Федерации.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 12 марта 1998 г. по делу о проверке конституционности нормы пункта 1 статьи 35.2 Закона Республики Саха (Якутия) от 30 ноября 1994 года “О выборах народных депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)” (в ред. от 23 сентября 1997 г.). Здесь и далее, когда не называется источник опубликования акта конституционного (уставного) суда, им является компьютерная программа “Консультант-регионы”.

² Без учета актов комитетов конституционного надзора республик (Северная Осетия, Татарстан) и Уставной палаты Иркутской области.

Вместе с тем весьма значительной остается роль конституционных (уставных) судов в качестве “негативного” законодателя. Почти каждое второе из всех постановлений этих судов полностью либо частично признает несоответствующим конституции (уставу) тот либо иной нормативный акт субъекта Российской Федерации, что влечет утрату им силы либо объявление его недействительным. В некоторых республиках (Бурятия, Карелия, Кабардино-Балкария) удельный вес таких постановлений достигает двух третей всех итоговых решений. По названиям актов, положения которых были “дисквалифицированы” судом, можно делать выводы об уязвимых местах законодательства субъекта Российской Федерации, проблемах, которые вызвали политический и общественный резонанс в том или ином регионе. И наконец, судить об общем состоянии и качестве складывающейся правовой системы республики, области.

В 1993-1998 г.г. в Республике Саха (Якутия), в частности, принято 24 постановления, которыми признаны неконституционными отдельные положения республиканских законов: от 21 мая 1993 г. “О минимальном размере оплаты труда”; от 30 июня 1994 г. “О местных органах государственной власти в Республике Саха (Якутия)”; от 22 сентября 1994 г. “О выборах депутатов местных представительных органов государственной власти и глав местных администраций”; “О выборах народных депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн Республики Саха (Якутия)”; от 16 октября 1991 г. “О Президенте Республики Саха (Якутия)” (в ред. от 25 июня 1996 г.); от 8 мая 1996 г. “О выборах Президента Республики Саха (Якутия)”; от 6 июля 1995 г. “Об административно-территориальном устройстве Республики Саха (Якутия)”; “О статусе депутата улусного, городского (города республиканского значения) собраний в Республике Саха (Якутия)”. Не соответствующими Конституции РСЯ признаны и некоторые нормы Регламентов и постановлений палат Государственного Собрания Республики Саха (Якутия), а также указов Президента: от 22 апреля 1996 г. “О закреплении в собственность гражданам Республики Саха (Якутия) земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, индивидуального жилищного, дачного и гаражного строительства”; от 2 марта 1996 г. “О Департаменте по печати и средствам массовой информации при Правительстве Республики Саха (Якутия)”; от 31 октября 1998 г. “О создании Совета экономической безопасности Республики Саха (Якутия)”. Подверглись критике Конституционного Суда и некоторые нормативные постановления и распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия), постановления городского Собрания депутатов и распоряжения Главы администрации г. Якутска и др.¹

¹ См.: Филиппов В. Из опыта работы Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) // ВКС РФ. 1996. №1. С.48-52; Конституционный Суд Республики Саха (Якутия) // ВКС РФ. 1996.

Конституционный Суд Республики Карелия в 1995-1998 г.г. в более чем двадцати постановлениях признал неконституционными полностью или отдельные положения законов республики: от 21 октября 1994 г. "О внесении изменений и дополнений в статью 12 Положения о порядке и условиях передачи государственного жилищного фонда в собственность граждан на территории Карелии"; от 26 марта 1992 г. "О порядке вывоза круглого леса за пределы Республики Карелия"; "О порядке направления сотрудников органов внутренних дел Республики Карелия за пределы работы в районах действия чрезвычайного положения и вооруженных конфликтов"; от 9 декабря 1995 г. "О порядке рассмотрения и утверждения республиканского бюджета на 1996 год"; "Об административных правонарушениях"; от 30 сентября 1996 г. "О контрольно-счетной палате"; "О местном самоуправлении в Республике Карелия", "О налоге с продаж на вино-водочные изделия", от 26 марта 1995 г. "О порядке использования наименований "Карелия", "Республика Карелия", "Карьяла" и образованных на их основе слов и словосочетаний в названиях и товарных знаках юридических лиц"; "О государственной службе Республики Карелия"; от 10 марта 1998 г. "О внесении дополнений в Закон Республики Карелия "О статусе депутата Палаты Представителей и статусе депутата Палаты Республики Законодательного собрания Республики Карелия", "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции на территории Республики Карелия" (в ред. от 24 марта 1998 г.); "Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности, утверждении ставок единого налога и стоимости патентов для субъектов малого предпринимательства" (в ред. от 10 октября 1997 г.); "О приватизации жилищного фонда на территории Республики Карелия" (в ред. от 24 января 1995 г.); от 24 октября 1997 г. "О выборах депутатов Законодательного собрания Республики Карелия". Нередки случаи, когда Конституционным Судом признавались не соответствующими республиканской Конституции положения и постановлений Председателя Правительства Республики Карелия. В числе их постановления: от 31 декабря 1997 г. "О порядке исполнения республиканского бюджета в 1 кв. 1998 г."; от 3 февраля 1998 г. "О мерах по улучшению организации заготовки (сдачи) и использования лома и отходов цветных и черных металлов"¹.

В Республике Бурятия в 1995-1998 г.г. признаны неконституционными некоторые положения ее законов: от 7 сентября 1995 г. "О порядке рассмотрения и утверждения республиканского бюджета республики Бурятия на

№4. С.41-43; Республика Саха. 1995. 14 дек., 1996. 16 окт., 5 нояб.; 1997. 22 янв.; Якутия. 1997. 22 июля.

¹ См.: Конституционный Суд Республики Карелия//ВКС РФ. 1996. №4. С.39-41; Собрание законодательства Республики Карелия. 1997. №1. Ст.127, №4. Ст.429, №6. Ст.671; 1998, №1, Ст.124; №5. Ст.440, №7. Ст.570, №8-9. Ст.728, №10-11. Ст.895.

1996 г.”, “О выборах Президента Республики Бурятия”, от 22 июня 1995 г. “Об избирательной комиссии Республики Бурятия”, от 16 марта 1994 г. “О выборах депутатов Народного Хурала Республики Бурятия” др.¹.

В Республике Дагестан Конституционный Суд признал неконституционными ряд положений законов: от 26 февраля 1993 г. “О применении в Республике Дагестан Закона “О статусе судей в Российской Федерации”; от 12 мая 1996 г. “О местном самоуправлении Республики Дагестан”; от 8 июля 1996 г. “О выборах главы местной администрации в Республике Дагестан”, от 3 июля 1997 г. “О статусе столицы Республики Дагестан”; от 24 марта 1998 г. “О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления”².

В других республиках конституционными судами сочтены не соответствующими Конституции республики отдельные нормы законов: “О государственной службе в Кабардино-Балкарской Республике”, “О статусе депутата Парламента Кабардино-Балкарской Республики”³; “О выборах в органы государственной власти в Республике Коми” и др.

Практике всех конституционных (уставных) судов свойственна закономерность признания неконституционными многих тождественных норм в законодательстве каждого из субъектов Российской Федерации. Они касаются избирательного права, требований к кандидатам в депутаты и главы республики, депутатского иммунитета, несовместимости депутатского мандата с другими занятиями, бюджетного процесса, введения региональных и местных налогов, пределов законодательства в сфере установления административной ответственности, свободы передвижения и выбора места жительства, приватизации жилищного фонда, сохранения прав на жилище отсутствующих граждан.

Одной из основных функций конституционных (уставных) судов является “восполнение” конституции (устава). Главным образом она осуществляется посредством решений о толковании конституционных (уставных) норм. За время существования названных судов вынесено 18 таких решений. Практически каждое восьмое постановление конституционных (уставных) судов посвящено интерпретации (устава) субъекта Российской Федерации. Они нередко наполняют конкретным содержанием довольно абстрактные конституционные формулы и конструкции. Приведем ряд примеров из судебной практики. Так, постановлениями Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) путем толкования определены содержание конституционных понятий “структура органов государственного управления Республики”,

¹ См.: Конституционный Суд Республики Бурятия//ВКС РФ. 1996. №4. С.43; Бурятия. 1997. 13 февр., 19 марта, 9 апр., 17 июня, 11 июля.

² См.: Дагестанская правда. 1994. 10 янв., 1997. 12 марта и 4 окт.

³ См.: Кабардино-Балкарская правда. 1997. 17 нояб.; 12 и 30 дек.

“контрольный орган” и пределы осуществления контрольной функции Государственного Собрания (Ил Тумэн), “конституционный закон”¹. Толкование по этим вопросам, естественно, создало новые уточняющие нормы, не названные в Конституции республики, но логически вытекающие из нее.

Проблеме парламентского контроля было посвящено и постановление Конституционного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 9 февраля 1996 г., указавшее, что содержащееся в пункте “е” части 1 статьи 102 Конституции КБР положение о контроле за ходом выполнения бюджета, отнесенное к совместному ведению Парламента, может быть реализовано только самим Парламентом или органами (комиссиями), образованными совместным решением палат. Такие комиссии в конституционных пределах с использованием парламентских форм и методов (путем запросов, истребования информации, организации парламентских слушаний, вынесения вопроса на обсуждение Парламента и т.д., но не с помощью финансово-контрольных проверок) вправе контролировать ход выполнения бюджета. При этом не допускается вмешательство в деятельность Правительства, министерств и ведомств, связанную в том числе и с установлением правильности целевого расходования бюджетных средств непосредственно в министерствах и ведомствах. Последнее находится в компетенции исполнительной власти, специализированных органов финансового контроля, а при наличии нарушений правовых норм должностных лиц – правоохранительных органов².

Конституционные (уставные) суды раскрывают смысл, содержание многих конституционных понятий и терминов, не нашедших конкретизации в действующем законодательстве либо вошедших в противоречие с ним. В частности, Конституционный Суд Кабардино-Балкарской Республики разъяснил, что под государственной программой “социально-экономического развития КБР” в смысле пункта “к” части первой статьи 100 Конституции КБР понимается любая программа (в том числе и целевая) по решению наиболее приоритетных для республики проблем по тем или иным направлениям социально-экономической и культурной жизни, формируемая Правительством Республики, заказчиком которой является орган исполнительной власти, Советы местного самоуправления районов и городов, другие юридические лица, утвержденные Правительством, и финансируемая полностью или частично из государственного бюджета КБР³.

В другом постановлении этого же суда от 8 февраля 1995 г. дано толкование пункта “д” части 1 статьи 104 Конституции Кабардино-Балкарской Республики о том, что конституционная норма, устанавливающая правомочие

¹ См.: Якутские ведомости. 1995. №4 (107).

² См.: Кабардино-Балкарская правда. 1996. 14 февр.

³ См.: Кабардино-Балкарская правда. 1998. 24 сент.

Совета Представителей Парламента Кабардино-Балкарской Республики заслушивать отчеты контролирующих органов, означает лишь право Совета Представителей заслушивать отчеты тех контролирующих органов, которые образованы им, а также контролирующих органов, на которые Конституция возложила прямую обязанность представлять отчеты Совету Представителей.

В связи с тем что в Конституции Республики Бурятия для характеристики действий по преобразованию ее текста употребляются понятия “изменение” и “дополнение”, возникла проблема их соотношения. Естественно, что она связана с порядком внесения предложений об особом изменении ключевых глав Конституции Бурятии. Конституционный Суд Республики Бурятия путем толкования конституционных норм разъяснил, что под изменением положений глав 1, 2 и 10 Конституции Республики Бурятия следует понимать любые изменения текста соответствующих глав и статей Конституции, включая их дополнение.

Нередко в самих постановлениях конституционных (уставных) судов о толковании Конституции (устава) прямо указывается на то, что они конкретизируют конституционную (уставную) норму. В частности, постановлением Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 6 июля 1998 г. было разъяснено, что норма статьи 111 Конституции Республики Саха (Якутия) о том, что “главы местной администрации избираются населением сроком на пять лет”, распространяется не только на общие выборы, но и выборы, проводимые вместо выбывших глав улусной, городской администрации. Тот же суд 20 декабря 1994 г. путем толкования конкретизировал термин “высшее должностное лицо республики”, содержащееся в статье 65 Конституции Республики Саха (Якутия). Разъяснено, что он употреблен для определения конституционно-правового статуса Президента РСЯ как главы исполнительной власти в республике. Президент как высшее должностное лицо республики выступает гарантом государственного суверенитета и территориальной целостности республики, соблюдения Конституции и законов Республики Саха (Якутия), а также принятых ею межреспубликанских и международных обязательств, выполняя функции представителя республики, наделен Конституцией РСЯ положением главы республики (государства).

“Глубокая” конкретизация конституционной нормы в постановлении конституционного суда нередко объективно обуславливает появление дополнительных норм, уточняющих действие основного конституционного положения, интерпретированного судом. Давая толкование части 2 статьи 85 Конституции Республики Саха (Якутия): “Выборность предполагает возможность совмещения должностей руководителя органа местной представительной и исполнительной власти”, Конституционный Суд РСЯ не только толковал, что эта норма имеет в виду, что избрание главой местной администрации означает одновременное занятие должности руководителя соответ-

ствующего представительного органа по праву и не обязательно связывается со статусом депутата. Суд также разъяснил, что глава администрации вправе отказаться от совмещения своей должности с должностью руководителя представительного органа. Однако в этом случае в последующем он не вправе претендовать на такое совмещение. Два последних положения постановления Конституционного Суда РСЯ от 21 февраля 1995 г. по существу являются новыми нормами, предусматривающими альтернативу применения конституционного положения.

Уставной суд Свердловской области из содержащегося в части 1 статьи 94 Устава Свердловской области положения о том, что компетенция местных сообществ, порядок формирования и деятельности их органов и иные вопросы местного самоуправления регулируются в уставах местных сообществ, а также из установленного частью 2 статьи 94 названного Устава положения о том, что уставы муниципальных образований принимаются их представительными органами либо населением в ходе референдума, пришел к конкретизирующему выводу, что представительный орган местного самоуправления имеет право вносить изменения в нормы устава муниципального образования, принятого на местном референдуме, если в самом уставе муниципального образования такое полномочие ему предоставлено¹.

Нередко на основе логического анализа конституционных (уставных) норм суд делает вывод о предполагаемом правовом положении, вытекающие из последних. Признавая, что Устав Свердловской области (статья 35, пункт 1) не содержит положений, как обязывающих, так и запрещающих заместителям председателя Палаты Представителей осуществлять свои полномочия только на постоянной профессиональной основе либо только на неосвобожденной основе, Уставной суд Свердловской области постановил: поскольку вопрос об условиях выполнения указанными должностными лицами своих обязанностей относится к вопросам внутренней организации деятельности Палаты Представителей, его решение входит в компетенцию законодательного (представительного) органа государственной власти Свердловской области².

При проверке соответствия нормативных актов Конституции (уставу) конституционный (уставной) суд, исходя из логики и смысла основного закона, выступает в той или иной форме инициатором преодоления пробельности в законодательстве субъекта Федерации. Постановлением суда либо фактически разрешается пробельный вопрос, либо признается неконституционным акт, которым он урегулирован с превышением полномочий, тем самым предопределяется в конечном итоге форма, а иногда и содержание его раз-

¹ См.: Областная газета. 1998. 29 дек.

² Областная газета. 1998. 29 дек.

решения. Например, постановлением Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 23 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности положений статьи 37 Регламента Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), разъяснено, что допустимость или недопустимость повторного представления Президентом Парламенту одного и того же лица на одну и ту же должность, на прохождение им процедуры согласования должны быть решены законом, принятым Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Тем самым признана утратившей силу урегулированная Регламентом процедура представления другой кандидатуры, если первоначальная кандидатура не получила согласия Палаты Республики.

Постановлением Конституционного Суда РСЯ от 7 мая 1997 г. дано толкование, что часть 1 статья 78 Конституции РСЯ запрещает Президенту и вице-президенту Республики получать вознаграждение от других организаций за выполнение своих обязанностей, а не выполнение каких-либо функций в этих организациях. По смыслу части 2 статья 78 Конституции РСЯ несовместимость должности Президента и вице-президента со статусом народного депутата представляет специальное ограничение, которое запрещает этим должностным лицам быть одновременно депутатами якутского Парламента. Этим же судебным актом признано невозможным совмещение должности вице-президента с должностью главы администрации города Якутска¹.

Производный характер статуса вице-президента от конституционно-правового положения Президента Республики Саха (Якутия), его "скупая" регламентация в Конституции обусловили неоднократное возвращение Конституционного Суда РСЯ к институту вице-президента. В одном из постановлений суд разъяснил, что продление срока полномочий вице-президента зависит от конституционно-правового решения вопроса о продлении полномочий Президента Республики Саха (Якутия)².

Отдельные коллизии и противоречия, заключенные в конституции (уставе) субъекта Российской Федерации, обуславливают необходимость их разрешения путем процедуры конституционного правосудия и придания конкретного содержания либо соотношения спорным нормам. В этом плане представляет интерес дело о толковании пункта 25 статьи 88 Конституции Республики Башкортостан, рассмотренное Конституционным Судом названной республики.

Проблема возникла в связи с тем, что согласно Конституции Республики Башкортостан ее Государственное Собрание отменяет указы и распоряжения Президента Республики Башкортостан в случае их несоответствия Конститу-

¹ См.: Якутия. 1997. 21 мая

² См.: Республика Саха. 1995. 9 нояб.

ции (пункт 25 статьи 88). В то же время Конституционный Суд наделен правом рассматривать дела о конституционности нормативных актов Президента (статья 134). Таким образом, акты Президента, могут быть предметом рассмотрения Парламента и Конституционного Суда республики.

Это противоречие Конституционный Суд Республики Башкортостан, исходя из принципа разделения властей, рассудил таким образом: предусмотренное пунктом 25 статьи 88 Конституции Республики Башкортостан право Государственного Собрания Республики Башкортостан отменять акты Президента Республики Башкортостан в случае их несоответствия Конституции и законам Республики Башкортостан следует толковать как право высшего законодательного органа отменять нормативные акты Президента, изданные по вопросам, требующим законодательного регулирования. Возникающие иные спорные вопросы между высшими органами государственной власти подлежат разрешению по правилам конституционного и иного судопроизводства¹.

Можно констатировать, что это постановление Конституционного Суда фактически установило новую правовую норму, разграничивающую компетенцию двух государственных институтов Республики Башкортостан.

Определенный интерес представляет постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 26 ноября 1998 г. толковании положений статей 132 и 135 Конституции Республики Башкортостан в части, касающейся определения компетенции Верховного Суда Республики Башкортостан. Обоснованно признана и фактически воспроизведена в нем позиция Конституционного Суда РФ по делу о толковании статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации (но без ссылок на него)², что Верховный Суд не вправе решать вопросы о соответствии республиканской Конституции нормативных правовых актов, издаваемых государственными органами Республики Башкортостан и подлежащих проверке на конституционность Конституционным Судом РБ. Суд общей юрисдикции, придя к выводу о несоответствии Конституции Республики Башкортостан закона республики, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд Республики Башкортостан с запросом о проверке конституционности этого закона. Такая обязанность существует независимо от того, было ли разрешено дело, рассматриваемое судом, отказавшимся от применения неконституционного, по его мнению, закона на основе непосредственно действующих норм Конституции Республики Башкортостан.

Вместе с тем сам факт рассмотрения Конституционным Судом Башкортостана дела о компетенции Верховного Суда республики вызывает сомнение,

¹ См.: Известия Башкортостана. 1998. 6 окт.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №25. ст.3004.

поскольку вопрос касался компетенции федерального суда, определяемой федеральным конституционным законом. Кроме этого, последний нашел свое разрешение в федеральном Конституционном Суде. При таких обстоятельствах запрос о толковании не подлежал принятию к рассмотрению.

Постановления конституционных (уставных) судов нередко конкретизируют и основополагающие конституционные принципы. Особенно это касается принципа разделения властей. Например, Конституция Республики Башкортостан, определяя, что члены Кабинета министров республики не могут быть депутатами ее законодательной палаты и представительных органов местной власти (статья 101, часть 3), не установила подобного ограничения для другой палаты республиканского парламента – палаты представителей. Правоприменительная практика пошла по пути совмещения полномочий депутата Палаты Представителей с должностью министра (председателя Госкомитета) республики, ссылаясь на Конституцию. Конституционный Суд Башкортостана признал, что такая практика не соответствует принципу разделения властей, закрепленному в статье 6 Конституции РБ, которому должны соответствовать и все другие конституционные положения. Органом законодательной и исполнительной власти республики, как сказано в постановлении, “следует при очередных выборах Государственного Собрания Республики Башкортостан принять меры к устранению установленного нарушения конституционного принципа разделения властей”¹.

Дисквалифицируя частично правовую норму, Конституционный Суд фактически устанавливает новое правило. В частности, Конституционный Суд РСЯ постановлением от 17 октября 1997 г., признав пункт 1 статьи 21 Закона “О местных органах государственной власти в Республике Саха (Якутия)” неконституционным в части, предусматривающей согласование с Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) выражения недоверия в отрешении от должности главы улусной, городской (республиканского подчинения) администрации и определяющей предложение одной из палат Госсовета поводом процедуры констатации нарушения главой улусной, городской (республиканского подчинения) администрации положений Конституции РСЯ, упростил процедуру освобождения от должности главы улусной, городской администрации по инициативе любого из субъектов обращения в суд².

Конкретизация конституционных норм осуществляется конституционными (уставными) судами и при их казуальном толковании при рассмотрении дел, связанных с абстрактным или конкретным нормоконтролем, а в некоторых республиках и по делам о конституционности правоприменительной

¹ См.: Известия Башкортостана. 1998. 14 окт.

² См.: Якутия. 1997. 5 нояб.

практики. Конституционный Суд Республики Саха (Якутия), в частности, признал практику персонального назначения и освобождения министров, руководителей комитетов и ведомств Президентом без ранее выраженного согласия Парламента не соответствующей Конституции РСЯ. В части 8 статьи 58 и части 5 статьи 70 Конституции под согласием на персональное назначение Президентом премьер-министра, членов Кабинета министров, руководителей комитетов и ведомств по букве и смыслу Конституции следует понимать, по мнению суда, предварительное или одновременно с изданием соответствующего указа согласие Парламента на назначение на должность или освобождение от должности вышеуказанных лиц.